

УДК 323.1 (497.1)

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТНИЧЕСКОГО
ИНЖИНИРИНГА В БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ**

**GEOPOLITICAL CAUSES AND CONSEQUENCES OF ETHNIC ENGINEERING IN
FORMER YUGOSLAVIA**

**М. Степич, Ж. Джурич
M. Stepić, Ž. Đurić**

Институт политических исследований, Сербия, 11000 Белград, ул. Светозара Марковича, 36

Institute for Political Studies, 36 Svetozara Markovića St., 11000 Belgrade, Serbia

E-mail: ipsbgd@eunet.rs

Аннотация. В работе рассматривается процесс создания новых наций во время существования единого югославского государства. Попытка создания в рамках одного государства интегральной нации в период между двумя мировыми войнами была продиктована геополитическим интересом формирования и сохранения «первой» Югославии. В то время как после Второй мировой войны создание новых наций во «второй» Югославии носило дезинтеграционный характер. Так называемые синтетические нации создавались политическим путем и отделялись, в основном, от сербской нации в целях ослабления сербского фактора в Югославии и на Балканах. Авторы назвали подобный феномен этно-инжинирингом, отмечая пять этапов этого процесса, начавшегося в 1918 г. и продолжающегося до настоящего времени. Каждый этап анализируется с геополитических позиций.

Resume. This paper examines the process of building new nations in Yugoslavia. An attempt to create an integral nation within one state in the period between two world wars was dictated by geopolitical interest of forming and maintaining the «first» Yugoslavia. On the contrary, creation of new nations after World War II in the «second» Yugoslavia had disintegrational intentions. So-called syntactic nations were created in political way and they were primarily separated from Serbian nation in order to weaken Serbian factor in Yugoslavia and Balkans. To denote this factor the authors use term *ethno-engineering*. There are five phases of that process, which begun in 1918 and last to date. Each and every one of these phases is analysed from geopolitical point of view.

Ключевые слова: геополитика, югословенство, новые нации, сербские земли, этнический конвертизм, территориальные последствия.

Keywords: geopolitics, the Yugoslav idea, new nations, Serbian lands, ethnic convertism, territorial consequences.

Этнические и геополитические основы образования южнославянского государства в 1918 году. Окончание Первой мировой войны ознаменовалось новой расстановкой великодержавных сил в Европе и изменением ее политической карты. Вследствие того, что три континентальных государства: пораженная Германия, распавшаяся Австро-Венгрия и занятая революционными событиями Россия не могли в то время оказывать существенного влияния на установление (пост)Версальского порядка, это сделали три ведущие западные талассократические страны – Великая Британия, Франция и США, руководствуясь собственными текущими и будущими геополитическими интересами. В этих целях одержавшие победу силы были намерены действовать в превентивном порядке. Была составлена новая политико-географическая карта для территорий юго-восточной и центральной части Европы, целью которой являлось выполнение трех заданий: 1) на длительное время воспрепятствовать Германии снова попытаться проникнуть на (юго)восток (*Drang nach /Siid/Osten*) к Персидскому заливу через Балканы, Малую Азию и Месопотамию; 2) пресечь российские трансбалканские устремления к юго-западу и «теплым морям», используя помощь балканских «славянско-православных братьев»; 3) не допустить потенциально опасного для того времени союза «континентальных сил» – Германии, расположенной в «сердце Европы», т.е. ядре *Mitteleurope*, и России, расположенной в «сердце Евразии», т.е. в ее «осевом регионе»¹ (*Pivot area* или *Heartland*).

¹ Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // *Geographical Journal*. 1904. № 23. P. 427-437. Он же. *Democratic Ideals and Reality – A Study in the Politics of Reconstruction*. London: Constable and Company Ltd, 1919. P. 59.

По этим причинам на территории, расположенной от Балтийского до Адриатического и Средиземного морей, был образован так называемый Санитарный кордон, в соответствии с теоретической концепцией, разработанной одним из создателей классической геополитики британским географом Х. Маккиндером (Halford J. Mackinder)¹. Создание Санитарного кордона оказало решающее влияние на размер, границы, этническую структуру и внутренние политические и экономические отношения входящих в него государств. В этом, проходящем через центр Европы, «занавесе государств», весьма важная геополитическая роль отводилась Королевству сербов, хорватов и словенцев (часто называемому «первой» Югославией). Для того, чтобы выполнять функцию геополитического барьера оно должно было простираться от южных склонов Альп (как физико-географического барьера) до тыльной части порта Салоники (но все-таки без выхода к Эгейскому морю). Вариант создания государства меньших размеров, граница которого была бы перенесена с Альп на юго-восток, не отвечал главному требованию, т.е. не предотвращал бы проникновения Германии в северную часть Адриатического моря через территории, населенные исповедующими католичество хорватами и словенцами, традиционно дружелюбно к ней расположенными.

Один из вариантов такой границы был предложен знаменитым сербским географом Йованом Цвиичем на составленной им карте «Эскиз динарских южнославянских стран» в документе, представленном российскому представителю в Сербии. В проекте была обозначена внутренняя линия разделения православных и римских католиков в едином южнославянском государстве, которая проходила бы через среднюю часть реки Дравы, Славонские горы, реку Уну до берегов Адриатического моря в северо-западной Далмации². Такой же вариант западной границы этноконфессионально однородного и более стабильного сербского государства («увеличенной Сербии») был изложен и в тайном Лондонском соглашении от 25 апреля 1915 г. а затем повторен в обещаниях Франции и Англии 15-16 августа 1915 г.³ Позднее, во время политических недоразумений между сербами и хорватами и разразившегося в результате того жестокого кризиса, потрясшего Королевство сербов, хорватов и словенцев в 1928 г., в обращении появилась почти идентичная линия разграничения – так называемая ампутационная линия, по которой бы от общего государства отделились словенские и хорватские земли.

И все же, как в начале Первой мировой войны (Нишская декларация от 1914 г.), так и во время войны (Корфская декларация от 1917 г.) и после ее окончания (во время создания объединенного государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев 1 декабря 1918 г.), сербское Правительство и большинство представителей интеллектуальной элиты сохраняли приверженность «югословенской программе» и выступали за то, чтобы границы нового государства охватывали «все территории, населенные сербами, хорватами и словенцами», т.е. «за государство Сербии с Боснией и Герцеговиной, Воеводиной, Далмацией, Хорватией, Истрией и Словенией»⁴. Но было весьма сложно конституировать такую, *de facto* неоднородную в этническом, религиозном и культурном отношении, территорию как национальное государство, которое бы соответствовало провозглашенным принципам (четынадцать пунктов Вудро Вильсона, Парижская мирная конференция, Версальская система). В целях решения этой проблемы, было прибегнуто к специфической политической манипуляции и (зло)употреблению в дефиниции государства как государства «сербов, хорватов и словенцев, известных под названием южных славян или югославян»⁵.

На искусственной этнической основе и принципиально ошибочном тезисе о национальном единстве должно было строиться новое (квази)национальное государство. В сущности, навязанный нонсенс об *одном трехименном народе* явился **первым этапом этно-инжиниринга**, мотивированного геополитическими интересами создания в 1918 г. государства заданных границ и размеров. В качестве фактора в наибольшей степени связывающего сербов, хорватов и словенцев выступал общий язык, хотя его диалекты были настолько различны, что жители многих областей вообще не понимали друг друга. Игнорировались различия, несущие в себе деструктивный потенциал: религиозная принадлежность, культурная самобытность, политические традиции, исторический опыт, государствообразующие амбиции, геополитическая ориентация по отношению к великим державам... Более того, не учитывалась недавняя враждебность, прежде всего хорватов по отношению к сербам, неоднократно выливавшаяся в открытое насилие, как в конце XIX – начале XX века так, и во время Первой мировой войны (массовые преступления хорватских представителей австро-венгерской армии по отношению к сербскому гражданскому населению).

Уже в течение первого десятилетия существования Королевства сербов, хорватов и словенцев проявилась его нефункциональность из-за непреодолимых противоречий, имевших место внутри «трехименного народа». Поскольку при создании объединенного государства сербы понесли не только огромные жертвы (людские потери Сербии в Первой мировой войне составили 28% от общей численности населения), но и вложили свою военно-политическую репутацию и государственную

¹ Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality – A Study in the Politics of Reconstruction. P. 115.

² Цвиич Ј. (Dinaricus) Јединство Југословена. Ниш, 1915.

³ Pavić R. Osnove opće i regionalne političke geografije, geopolitike i geostrategije (I dio). Zagreb, 1973. P. 178.

⁴ Екмечић М. Ратнициљеви Србије 1914. Београд, 1990. P. 84.

⁵ Група аутора. Историја српског народа (шеста књига, други том). Београд, 1983. P. 236, 237.

независимость, шли на многочисленные уступки словенцам и (особенно) хорватам. Но и этого было недостаточно для стабилизации государства. В попытках предотвращения его распада, король Александр I Караджорджевич в 1929 г. ввел диктатуру, переименовал государство в «Королевство Югославия» и разделил его на девять бановин – административно-территориальных единиц, не имеющих этнических названий и не соблюдавших этнический принцип при их разделении; при этом столица Белград и его окрестности были выделены в отдельную административную область. Взамен «трехименного народа» как национального фундамента государства был выдвинут новый принцип – так называемое *интегральное югославянство*. По сути, это была еще одна из попыток создания этнодемографического гибрида, т.е. *второй этап этно-инжиниринга* в целях достижения геополитической цели – сохранения единства южнославянского государства.

Югославянство в скором времени превратилось в форму государственной идеологии, поддерживаемую авторитетом самого короля. Проявлялась она по-разному. Например, в переписях, проводимых в 1921 и 1931 гг. учитывалась религиозная принадлежность населения, но зато языковая и национальная структура скрывалась за обобщениями: «сербский или хорватский язык» (1921 г.), «сербскохорватско-словенский язык», «югославская народность» (1931) ...¹. Кроме того, началась фаворизация латинской графики и ее распространение из областей преимущественно населенных исповедующими католичеством словенцами и хорватами в другие регионы страны, где преобладало православное сербское население, использующее кириллицу и воспринимающее латиницу как нечто чуждое и навязанное (как во время австро-венгерской оккупации Сербии в Первой мировой войне). Ясно обозначилась тенденция создания югославской (сверх)нации. Но ее формирование не могло увенчаться успехом из-за наличия множества внутренних противоречий этнического характера, политически навязанного (псевдо)этногенеза так называемых югославов и постоянного требования уступок и совершения компромиссов только от одной – сербской, стороны, ради сохранения монархической Югославии. Вся концепция пошатнулась, когда произошло вынужденное основание Хорватской бановины в 1939 г., в состав которой вошли и многие однородные в этнопространственном отношении сербские регионы. Затем началась Вторая мировая война, во время которой Коммунистическая партия Югославии, борющаяся не только против захватчиков, но и за свой приход к власти, последовательно проводила провозглашенную ранее национальную политику «освобождения и раскрепощения угнетенных народов от сербской гегемонии».

Геополитические причины создания новых наций во «второй» (Титовской)

Югославии. В геополитическом отношении монархическое югославянство в период между двумя мировыми войнами было интегративным, в то время как титоистическое югославянство весьма быстро после окончания второй мировой войны проявило свою деструктивность, в основном по отношению к сербскому народу и сербским землям. Под видом борьбы с мнимой великосербской гегемонией, монархизмом и унитаризмом, а затем и пророссийским сталинизмом, проводилась в большей или меньшей степени открытая антисербская политика. Сохранение Югославии почти в тот же период, после 1945 г., имело аналогичную геополитическую цель, которая, однако, после «НЕТ», сказанного Титом Сталину» в 1948 г. стала в основном антирусской (антисоветской). Вследствие важной позиции Югославии как звена в евразийской береговой зоне (*Rimland*), окружающей СССР, ее роли в американской «стратегии сдерживания» СССР² и выполнения задания, заключавшегося в том, чтобы через Движение неприсоединения в 1960-х годах превентивно предотвращать ориентацию на Москву стран, освобождающихся от колониализма, она стала «американским любимчиком». Внутри страны также нужно было «сдерживать» (как сказал бы Кеннан) сербский фактор, обладающий наибольшим территориальным, демографическим, ресурсным и экономическим потенциалом, поскольку на Западе он традиционно воспринимался как пророссийски настроенный (сербы – это «маленькие русские», «балканские русские», «форпост России на Балканах», «предводители русских казаков на пути к теплым морям» ...).

Крылатое выражение «Слабая Сербия – сильная Югославия», изобретенное властями «второй» Югославии, как нельзя лучше описывает стратегию, в целом применяемую по отношению к сербскому фактору. Ее механизм был всеобъемлющим: от федерализации, разделения территории на республики, республиканских границ, в наибольшей степени разделяющих сербский народ и сербские земли, до постоянного навязывания «наиболее многочисленному народу и наибольшей по площади республике» чувства вины и ответственности за большинство негативных процессов в стране, а особенно за национализм. Величайшим абсурдом являлось то, что хорваты вопреки чудовищным преступлениям (убийству сотен тысяч граждан сербской национальности), совершенным в пронацистском марионеточном образовании под названием Независимое государство Хорватия, *de facto* были награждены созданием целостной федеральной единицы Хорватии, в то время как сербы, вопреки их массовому участию в сопротивлении нацизму, были наказаны фрагментацией не только на несколько республик, но и созданием в Сербии двух автономных краев. Но самые значительные этнодемографические и геополитические последствия имело идейно-

¹ Радовановић С. Етничка структура Краљевине Југославије у контекста националне политике Југословенства // Демографија. 2007. књ. 4. Р. 131-133.

² Kennan G. (Mr. X). The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 25/july 1947. P. 566-582.

политическое, партийное провозглашение и официальное признание новых наций, отделившихся, в основном, от сербской. Из **одного** трехименного народа в «первой» Югославии было образовано **шесть** государствообразующих народов за время существования «второй» Югославии, при этом территория государства увеличилась лишь на 2,7%!

Образование черногорской и македонской, а затем и мусульманской нации, вследствие специфического процесса *декретного этногенеза*¹, представляло собой **третий этап этноинжиниринга**, преследующего цель не только ослабить сербское влияние в Югославии, но и предначертить способ и линии дезинтеграции, которая будет осуществляться после окончания той миссии, для которой она и была создана. Механизм национального преобразования был двусторонним: а) в некоторых случаях первым шагом являлось изменение религиозной принадлежности, а затем постепенное создание своей нации (отказ от принадлежности сербскому народу), этническая текучесть, полная смена национальной идентичности и, в конце концов – формирование собственной политико-территориальной единицы или присоединение к какой-либо соседней; б) имел место обратный процесс – сначала образовывалась политико-территориальная единица, затем бы шло изменение национальной принадлежности как способ «согласования» с ранее конституированной и обозначенной территорией, затем следовал религиозно-церковный раскол с возможным его переходом в религиозный конвертизм². Отделение любой новопровозглашенной нации от сербской подразумевало и выделение «национальной территории», которая бы ампутировалась от этноисторических сербских земель. Эти территории имели большое геополитическое значение и их отторжение от Сербии в значительной степени подрывало ее геополитический потенциал, как на Балканах, так и в Европе.

После Второй мировой войны титовские революционные власти провозгласили создание *македонской нации*, состоящей из славянского населения, проживающего в области, присоединенной к Королевству Сербии в результате Балканской войны 1912-1913 гг. Эта территория вошла в федеральную единицу Македонии, состоящую из двух географических областей. Заметно большую область составляла южная часть историко-географической Старой Сербии, до середины XX века в основном имевшая сербскую идентичность. Второй, меньшей, частью являлся северный обод историко-географической зоны Македонии, населенный в основном славянами, не обладающими никаким болгарским национальным сознанием, но сохранившими определенное наследие средневекового сербского государства и сербской культуры. Вопреки тому, сербский антропогеограф и географ Йован Цвиич, являвшийся в то время, несомненно, наилучшим знатоком по Балканам, считал жителей историко-географической Македонии в национальном отношении «аморфными» и называл их *македонскими славянами*. Но этот же автор ясно указал и на то, что македонские славяне «населяют территории, расположенные южнее Прилепа, в направлении к Салоникам и на востоке – к Месте»³. Следовательно, севернее от названных территорий, т.е. на большей части последней югославской республики, а в настоящее время государства Македонии, подавляющее большинство населения было представлено православными сербами.

Таким образом, название «Македония» было узурпировано у греческого исторического наследия, географически транслировано далеко на север в область Старой Сербии и присвоено федеральной единице внутри «второй» Югославии (по этой причине Греция оспорила название страны после обретения ею независимости, вследствие чего она была официально признана под именем Бывшая Югославская Республика Македония). Таким же образом была произведена и территориальная «компабилизация» этой топонимической (но и не этнонимической) нации – ее македонское название было распространено на север и произведена македонизация сербского населения⁴. В целях завершения процесса этноинжиниринга и укомплектования новой, отделенной от сербской, македонской «гибридной нации», параллельно шел процес церковного раскола, «проводимый коммунистическими властями, сдружившимися с великоболгарской (ВМРО) идеологией»⁵. До кульминации процесса дошло в 1967 г., когда незаконно была провозглашена автокефальность так называемой Македонской православной церкви и ее неканоническое отделение от Сербской православной церкви, что до настоящего времени не признано ни одной из православных церквей.

Создание македонской нации и югославской федеральной единицы Македонии в 1945 г., а особенно обретение ею независимости и международное признание в 1991-1992 гг., имело большое геополитическое значение. Речь идет о типичном, классическом примере государства буферного типа. Существование Македонии (чему в значительной мере способствуют ЕС и НАТО) определяется ее назначением сдерживать интересы и амбиции соседей. Поэтому в ее взаимоотношениях с ними имеются большие проблемы: Греция оспаривает ее название, Болгария не признает язык и национальную самобытность, Албания не скрывает своих великодержавных претензий к значи-

¹ Степић М. Српско питање – геополитичко питање. Београд, 2004. Р. 242.

² Степић М. Век расрбљивања Балкана – геополитички узроци и последице // Политичка ревија. 2014. бр. 3. Р. 8.

³ Цвијић Ј. а) Географски положај Старе Србије и Македоније // Говори и чланци // Сабрана дела. 1987. књ. 3 (том 1). Р. 109-11; б) Македонски Словени // Говори и чланци // Сабрана дела. 1987. књ. 3 (том 1). URL: <http://www.monstat.org>. Р. 154-155.

⁴ Степић М. У вртлогу балканизације. Београд, 2001. Р. 241.

⁵ Поповић Р. Православие помесне цркве (друго, допуњено издање). // Београд, 2009. Р. 185.

тельной части ее территории, для Сербии представляет проблему ее этнотерриториальная идентичность и церковный раскол. Деятельность Македонии направлена на ее дальнейшее отдаление от соседей и развитие национальной идентичности, что зачастую принимает характер вдохновенного романтизма и основывается на исторических фальсификатах. Особенно настаивается на пересмотре сербских этноисторических корней и государствообразующих традиций. Геополитический смысл македонского отдаления от сербов и Сербии многозначен: преграждение моравско-вардарского коммуникационного и геостратегического направления как важнейшей балканской оси; фрагментация центрального балканского региона и получение контроля в самом его «сердце»; изолирование Сербии от ее традиционного союзника Греции и предотвращение ее доступа к Эгейскому морю и порту Салоники; инсталлирование препятствующего фактора в процесс потенциальной политико-экономико-военной интеграции Сербии с Болгарией и Грецией, основывающейся на общих интересах и православно-цивилизационных традициях.

Черногорская нация также сформировалась как следствие (одно)партийного насаждения и принужденного национального конвертизма, целью которых являлось ослабление сербского фактора и рассчитанное на длительный срок систематическое и стратегическое ослабление Балкан. Идеино-политический «декретный этногенез» и создание черногорской «синтетической нации» проявились в еще большей степени, чем в случае с македонской нацией. Вплоть до Второй мировой войны сербская идентичность подавляющего большинства населения не только не ставилась под сомнение, но и считалась принадлежностью к «элитным сербам», «сербской знати», а Черногория, вследствие ее роли, сыгранной во времена сопротивления Османской оккупации, называлась «Сербской Спартой». По данным последней (1909 г.) переписи перед созданием монархического южнославянского государства, 95% населения Княжества Черногории исповедовало православную веру и говорило на сербском языке (национальность тогда не указывалась). Но уже по данным первой переписи населения, проведенной после окончания Второй мировой войны (1948 г.), а также после революционного прихода к власти Тито и формирования югославской федеральной единицы Черногории, сербы вдруг почти исчезли (1,8%), а подавляющее большинство стала составлять новая «инстант нация» – черногорцы (90,7%).

Во всех переписях, проводившихся во время «второй» Югославии, национальность «серб» указывало менее 10% населения Черногории. Однако, вместе с исчезновением однопартийной системы, началом т.н. демократизации и одновременным распадом югославского государства начался обратный этнический процесс – многие жители Черногории снова стали именовать себя сербами. По данным переписи 2003 г. 32% населения составляли сербы, 43,2% – черногорцы, в то время как территория, населенная преимущественно сербами, составляла больше половины территории Черногории. Показательно, что в качестве родного языка сербский язык указали 63,5% населения, а черногорский, как нововыдвинутый «политический язык» – лишь 22% населения. Все это происходило во время существования Союзной Республики Югославии, двухчленной федерации Сербии и Черногории, когда интегративные политические и национальные связи еще были достаточно крепкими. Однако, усиливавшиеся сепаратистские тенденции, потенцированные руководством Черногории, привели к ее отсоединению от Сербии в 2006 г. и многоаспектному, систематически проводившемуся отдалению от сербской идентичности. Этому способствовало и формирование еще в 1993 г. раскольнической неканонической непризнанной т.н. Черногорской православной церкви и ее регистрация в 2000 г. (аналогично «македонской модели»), происходившие не только при одобрении Ватикана и открытой поддержке Хорватии, но и при явной поддержке правящих политических кругов Черногории. Статус сербского населения, постепенно занимавшего подчиненное положение, становился все более неблагоприятным. В результате снизилась доля сербского населения Черногории.

Тенденция этнической дезинтеграции сербов и антогонизация Черногории по отношению к Сербии продолжают иметь место и поддерживаются западными центрами силы в целях долгосрочного инсталлирования Черногории как дестабилизирующего антисербского фактора на Балканах. Обещания ускорить ее вступление в ЕС, и особенно в НАТО, имеют выраженную геополитическую мотивированность и ради них Черногория обязана выполнять множество требований, объективно не отвечающих ни ее традициям, ни долгосрочным интересам. Ее ролью на Балканах является «сдерживание» сербского потенциала разными способами – через признание независимости т.н. государства Косово, политико-экономическое сближение с Хорватией, неформальное объединение с сербскими соседями для создания враждебного окружения около Сербии, пропаганда, способствующая и поддерживающая стереотип о мнимой великосербской опасности... Но важнейшей геополитической «миссией» не-сербской (т.е. антисербской) Черногории является восприпятствование выходу Сербии к Адриатическому морю, закрытие ее во внутренней части Балкан (*land locked country*-недостаток), в целях долгосрочного снижения качества положения Сербии ее возможностей для симбиоза интересов с отдельными заинтересованными силами. Косвенно, но не менее важно, подобный прозападный и проталассократический настрой Черногории противоречит интересам России относительно ее присутствия на западных частях Балкан, реализации трансбалканского пути достижения «теплых морей» и возможности закрепления в черногорском

секторе Адриатического побережья, имеющего большое геополитическое значение (близость пролива Отранто, контролирование потенциально конфликтных очагов, Боко-которский залив...).

Мусульманская нация является доказательством того, до какого абсурда мог прийти идеологический этно-инжиниринг во «второй» Югославии. «Мусульман» является религиозной, а не этнической категорией. Можно ли, например, представить себе «православную нацию» или «римско-католическую нацию»? ... Но, точно так же, как титовские власти на основании топографической, т.е. регионально-историко-географической идентичности провозглашали нации македонцев и черногорцев, была провозглашена еще одна, основывающаяся на религиозной мусульманской идентичности гибридная нация – мусульмане; нигде в мире не происходило ничего подобного. Мусульмане в большинстве своем появились в результате процесса исламизации сербов, принудительное обращение в веру которых было начато во время Османской оккупации сербских земель в XIV-XV вв., но активизировался этот процесс лишь во второй половине XVI и на протяжении XVII века. Исламизация сербов была наиболее выражена на территории Боснии и Герцеговины, в то время как в Рашской области (т.н. Санджаке) на юго-западе Сербии массовые размеры она приняла лишь в XVIII и в первых десятилетиях XIX века. Уже тогда началось дистанцирование мусульман от сербской национальной идентичности, поскольку в исламе религиозный принцип доминирует над этническим. Точно такие же способы применяли и австро-венгерские оккупационные власти в период 1878-1918 гг. в целях раздувания распри, ослабления сербского фактора и облегчения управления. По тем же причинам и по тому же принципу действовала и титовская номенклатура после 1945 г. Но, несмотря на это, исламизированное население в научной литературе до середины XX века относилось, в основном, к «магометанским сербам» и даже в первых послевоенных переписях они называли себя «неопределившимися мусульманами».

После Второй мировой войны значительная часть мусульманской интеллигенции считала себя сербами. Историк Славенко Терзич считал, что в нормальных политических условиях большая часть мусульманского населения была бы (ре)интегрирована в сербский национальный корпус. В целях предотвращения подобного хода событий, коммунистическое руководство того времени в конце 1960-х годов начало проводить процесс создания мусульманской нации. «С намерением предотвратить укрепление сербского фактора в югославском государстве и подготовить почву для дальнейшей дезинтеграции сербов и деструкции югославского государства»¹. Подчеркивание не-сербства и даже антисербства становилось все более выраженным и служило, якобы, для мусульманской национальной эмансипации. После проведения бурных дискуссий в кругах высшего партийно-государственного руководства, в переписи 1971 г. мусульманам была дана возможность представлять себя как нацию, что было подтверждено и Конституцией 1974 г. Новая партийно-идеологическая «декретная нация» была создана и стала в стране третьей по численности (наряду с сербами и хорватами). Единственной неприятностью, напоминавшей о характере этногенеза являлась «тождественность религиозного и национального названия»². Но это не помешало мусульманам стать важным фактором во «второй» Югославии и играть роль мнимого уравнивающего политического субъекта между сербами и хорватами. Более того, федеральную единицу Боснию и Герцеговину, расположенную в самом центре страны, они стали воспринимать как (только) свою, не взирая на то, что исповедующие христианство сербы и хорваты (вместе) составляли в ней большинство населения.

Геополитической целью создания мусульманской нации являлось не только отторжение от сербского народа на Балканах значительной части его популяционного потенциала, но и отделение значительной части его территории. В Боснии и Герцеговине мусульманское население было сосредоточено в трех областях: а) на крайнем западе, в анклав Цазинской краины, оказывающем деструктивное воздействие на компактность сербской православной территории в Боснийской краине и бывшей Республике Сербской Краине; б) возле восточной границы в части долины реки Дрины, представляя собой барьер, разделяющий сербские территории на западную и восточную часть (а в геополитическом отношении способствуя сведению совокупного сербского фактора только на Сербию; в) в центральной Боснии, имея возможность контроля над стратегически важной горной областью «Динарской крепостью», т.е. фрагментируя специфический «Балканский Heartland» над которым традиционно доминировали сербы³. В целом, мусульмане и населенные ими области Боснии и Герцеговины, отличались популяционно-территориальной экспансивностью, основывающейся на более высоком, по сравнению с сербами и хорватами, уровне естественного прироста и притоком населения извне. Имела место тенденция к постепенному перерастанию в абсолютное этническое большинство, что в будущем могло быть геополитически капитализировано в «освоение» всей Боснии и Герцеговины и ее унитаризацию. В конечном счете, это и являлось целью мусульман в войне 1992-1995 гг., от которой они не отказались ни в настоящее время.

¹ Терзић С. Етничко и верско у српској историји – проблем националне интеграције у 19. и 20. веку // Евробалкан. април 1994. Р. 44-45.

² Танасковић Д. У дијалогу са исламом // Горњи Милановац. Дечије новине, 1992. Р. 67.

³ Степић М. У вртлогу балканизације. Р. 107, 150.

Этно-геополитические процессы в период постюгославской «транзиции».

Гражданская война в Югославии имела многие черты религиозного цивилизационного конфликта. Одновременно шел интенсивный процесс территориального перераспределения населения, вынужденной миграции и ускорения начатой этнической трансформации. Эпилог соответствовал воплощению мысли Йована Цвиича, высказанной им столетие назад: «Этнографическая карта ни одной области Европы не устаревает настолько быстро, насколько этнографическая карта Балканского полуострова»¹. К этому можно было бы добавить, что «в мире только Ближний Восток может тягаться с Балканами по темпам, размерам и последствиям этнотерриториальных и геополитических изменений»². «Сдерживание» сербского фактора продолжилось и во время постюгославской транзиции, которая имела следующие геополитические цели: демографическое сокращение, территориальную фрагментацию и сжатие, ухудшение качества геополитического положения, окружение и изоляция сербских территорий, лишение их возможности государственного конституирования в интегральных пространственных габаритах. Для достижения этих целей использовались различные методы: массовая физическая ликвидация и изгнание гражданского населения (как например, из Республики Сербской Краины и из Косова и Метохии...), военные операции (в том числе и агрессия НАТО в 1999 г.), международные экономические санкции, политическое давление и угрозы, насильственная ампутация части территории и поддержка обретению независимости (Косово и Метохия), «цветная революция» в целях смены неподходящего руководства, пропагандное прививание комплекса вины... Но самым значительным долгосрочным негативным последствием является продолжение процесса этнической дивергенции и возрастающего дистанцирования «синтетических наций» от сербских этнических корней.

С самого начала дезинтеграции «второй» Югославии новообразовавшиеся нации стремились к тому, чтобы своей радикальной антисербской позицией самоутвердиться в качестве не-сербов и таким образом отказаться или перерезать все связи с сербским и, даже, славянским происхождением. Это **четвертый этап этно-инжиниринга**, который с пульсирующей интенсивностью продолжается и во втором десятилетии XXI века. Методология этно-инжиниринга частично изменена и приспособлена к условиям мирного времени, многопартийной системе, отданию предпочтения «политической корrekтности» и эффективности использования фактора так называемой мягкой силы.

Ревизионизм *хорватов* носит многоаспектный характер и проводится систематически. Ему подвергнуты не только историческое происхождение и значение хорватов, но и отрицание факта принудительного обращения в католическую веру и хорватизации сербского населения, минимизация масштабов геноцида сербов во Второй мировой войне и, особенно, стремление к тому, чтобы все то, что пиратским путем перенято у сербов (в т.ч. современный язык, выдающиеся личности), выдать за свое наследие.

В Черногории идет процесс уничтожения сербской исторической, культурной и государственной идентичности, даже там, где это, казалось бы, невозможно (наследие правителей и религиозных деятелей, письменные документы, народная проза и поэзия, объекты Сербской православной церкви...). Все больше подчеркиваются значение раннесредневековой *Дукли* как предтече сегодняшнего государства и название *Montenegro* как подтверждение прозападного курса, что в будущем может стать отправной точкой для изменения названия нации.

Сегодняшние *македонцы* прилагают огромные усилия к тому, чтобы доказать, что происходят не от славянского, т.е. сербского этнического «древа», а от античных македонцев. В целях формирования подобного, новейшего, национального сознания были изменены школьные учебники, научные толкования, топонимика, названия улиц и площадей и др.

Мусульмане снова занялись изменением названия своей нации и на Первой Бошнякской скупщине в Сараево в 1993 г. приняли решение именовать себя *бошняками*, что подтвердили лишьво время переписи населения Боснии и Герцеговины в 2013 г. В целях дальнейшего углубления разрыва со Сербией, новое название нации сопровождалось и соответствующим «политическим языком» – бошнякским – позднее переименованным в боснийский, ради подчеркивания его, якобы, государственного характера и унитаристских устремлений в Боснии и Герцеговине.

Протекающие в настоящее время процессы (гео)политически инициированного псевдоэтногенеза, направленные на создание зародышей новых гибридных наций, подтверждают, что запускается и **пятый этап этно-инжиниринга**. Показательно то, что данное явление имеет место только на сербских территориях и потенциальные новые нации отделяются только от сербского национального корпуса. Нет попыток проведения этно-инжиниринга в рамках сегодняшней хорватской нации и отделения от нее, например, славонцев, далматинцев или истриан, вместе с принадлежащими им территориальными, гипотетическими «автономиями», «республиками» или «государствами». Нет признаков того, чтобы среди словенцев путем принятия декрета были сформированы какие-либо не-словенские доленцы, нотранцы или горенцы с одноименными адми-

¹ Цвијић Ј. Распоред балканских народа (објашњење етнографске карте) // Гласник српског географског друштва. св. II/1913. Р.3.

² Степић М. Век после Цвијића: етно-цивилизацијска карта Балкана и њене геополитичке последице // у: Географско образовање, наука и пракса: развој, стање и перспективе. 2014. Р. 20.

нистративно-территориальными единицами. Подобное явление не наблюдается и не поддерживается извне среди наций, провозглашенных во «второй» Югославии – македонцев, черногорцев или мусульман/бошняков. Скорее наоборот, здесь наблюдается выраженный процесс национальной гомогенизации и территориальной консолидации.

С другой стороны, имеет место реальная опасность ампутации от сербского народа и сербских территорий еще какой-либо части и создания какой-либо новой синтетической нации. Перед проведением переписи населения 2011 г., некоторые политические организации в Автономном крае Воеводине призывали (в основном сербское население) называть себя *войводинцами*, что (на данный момент?) не нашло на широкий отклик. В международной коммуникации, а все чаще и в документации, жители АК Косово и Метохия называют себя *косоварами*, с намерением создать «государственную нацию» и ликвидировать сербскую идентичность в этой области. Власти – этническая группа, населяющая часть восточную Сербию, которая в прошлом спонтанно и без принуждения была сербизирована, в настоящее время все сильнее подвергается агрессивному давлению со стороны Румынии и Румынской православной церкви, склоняющих их к тому, чтобы называть себя *румьнами*, что может иметь непредсказуемые геополитические последствия. Точно также и из Хорватии поступают требования, чтобы представители этнической группы буневцы (принявшие католичество сербы) на северо-западе области Бачка, относили себя к *хорватам*. Мусульмане, проживающие в Рашской области на юго-западе Сербии, несомненно, имеющие сербское происхождение, в настоящее время относят себя к бошнякам, а свой язык называют уже не бошняцким, а *боснийским*, расширяют свои территории и увеличивают численность населения, вытесняя православное сербское население. Их геополитическая цель очевидна – область, которую все больше воспринимают как (только) свою, так называемый Санджак, постепенно отделить от Белграда и Подгорицы и соединить ее с мусульманской частью Боснии и Герцеговины и самозванным «государством Косово», реализуя новоосманский и панисламский проект – т.н. «зеленый коридор»¹.

Все описанные этапы этно-инжиниринга и вытекающие из него отдельные дезинтеграционные геополитические процессы имеют единственную цель – снижение сербского демографического потенциала, расчленение и сужение сербских земель. На постюгославском пространстве процесс сокращения, т.е. «сведения к необходимой величине»², проводится только по отношению к сербскому фактору. Частично это связано с его популяционно-территориальными размерами, центральным положением на Балканах и интегративным государствообразующим потенциалом. Но в основном это связано с идеей победившего в холодной войне триумфалистского Запада о том, что православные сербы являются традиционным балканским экспонентом православных русских. В соответствии с этим, Сербия для выздоравливающей России, представляющей собой «глобальную угрозу», может стать оплотом на юго-востоке Европы в реализации новоевразийского проекта «отнятия» Европы у США и создании многополярного мирового порядка. Поэтому Запад стремится к тому, чтобы сербский фактор был сведен только к Сербии, а ее размеры уменьшены до заданных на Берлинском конгрессе 1878 г. Только в том случае, когда Сербия будет иметь площадь около 50.000 км², когда ее искусственно уравнивают Хорватия и Босния и Герцеговина и когда она неразрывно будет связана с ЕС и НАТО, Запад перестанет считать ее «дестабилизирующим фактором». Вместо крылатого выражения Тито «Слабая Сербия – сильная Югославия» реализуется неофициальная евро-атлантическая формула «Малая Сербия – стабильные Балканы».

Список литературы References

- Група аутора. Историја српског народа (шеста књига, други том) // Београд: Српска књижевна задруга, 1983. P. 236, 237.
- Grupa autora. *Istoria srpskog naroda (šesta knjiga, drugi tom)* // Beograd: Srpska književna zadruga, 1983. S. 236, 237.
- Екмечић М. Ратни циљеви Србије 1914 // Београд: Просвета, 1990. P. 84.
- Екмеčić М. *Ratni ciljevi Srbije 1914* // Beograd: Prosveta, 1990. S. 84.
- Поповић Р. Православне помесне цркве (друго, допуњено издање) // Београд: Издање писца, 2009. P. 185.
- Роровић Р. *Pravoslavne pomесne crkve (drugo, dopunjeno izdanje)* // Beograd: Izdanje pisca, 2009. S. 185.
- Радовановић С. Етничка структура Краљевине Југославије у контексту националне политике Југословенства // Демографија. 2007. књ. 4. P. 131-133.
- Radovanović S. *Etnička struktura Kraljevine Jugoslavije u kontekstu nacionalne politike Jugoslovenstva* // Demografija. 2007. књ. 4. P. 131-133.
- Степић М. У вртлогу балканизације // Београд: ЈП Службени лист; Институт за геополитичке студије, 2001. P. 107, 150. P. 241.
- Stepić M. *U vrtlogu balkanizacije* // Beograd: JP Služebni list; Institut za geopolitičke studije, 2001. S. 107, 150. S. 241.

¹ Степић М. Геополитичка суштина српског питања // Национални интерес. 2007. бр. 3. P. 87.

² Ćirjaković Z. Svodjenje postjugoslovenskih država i njihovog stanovništva na «pravu meru» // Bezbednost zapadnog Balkana. Septembar-Decembar 2011. God.6, Br. 21. P. 103-114.

- Степић М. Српско питање – геополитичко питање // Београд: Јантар група, 2004. Р. 242.
 Stepić M. *Srpsko pitanje – pitanje* // Beograd: Jantar grupa, 2004. S. 242.
- Степић М. Геополитичка суштина српског питања // Национални интерес. 2007. бр. 3. Р. 87.
 Stepić M. Geopolitička suština srpskog pitanja // *Nacionalni interes*. 2007. бр. 3. S. 87.
- Степић М. Век расрбљивања Балкана – геополитички узроци и последице // Политичка ревија. 2014. бр. 3. Р. 8.
 Stepić M. Vek rasrbljivanja Balkana – geopolitički uzroci i posledice // *Politička revija*. 2014. бр. 3. S. 8.
- Степић М. Век после Цвијића: етно-цивилизацијска карта Балкана и њене геополитичке последице // у: Географско образовање, наука и пракса: развој, стање и перспективе (М. Грчић, Д. Филиповић, С. Драгићевић, ур.), Београд: Географски факултет, 2014. Р. 120.
 Stepić M. Vek posle Cvijića: etno-civilizacijska karta Balkana i njene geopolitičke posledice // u: *Geografsko obrazovanje, nauka i praksa: razvoj, stanje i perspektive* (M. Grčić, D. Filipović, S. Dragičević, ur.), Beograd: Geografski fakultet, 2014. S. 120.
- Танасковић Д. У дијалогу са исламом // Горњи Милановац. Дечије новине, 1992. Р.67.
 Tanasković D. *U dijalogu sa islamom* // Gornji Milanovac. Decije novine, 1992. P.67.
- Терзић С. Етничко и верско у српској историји – проблем националне интеграције у 19. и 20. веку // Евробалкан. април 1994. Р. 44-45.
 Terzić S. Etničko i versko u srpskoj istoriji – problem nacionalne integracije u 19. i 20. veku // *Eurobalkan*. april 1994. S. 44-45.
- Цвијић Ј. (Dinaricus) Јединство Југословена // Ниш: Државна штампарија Краљевине Србије, 1915.
 Cvijić J. (*Dinaricus*) *Jedinstvo Jugoslovena* // Niš: Državna štamparija Kraljevine Srbije, 1915.
- Цвијић Ј. Распоред балканских народа (објашњење етнографске карте) // Гласник српског географског друштва. св. II/1913. Р. 3.
 Cvijić J. Raspored balkanskih naroda (objašnjenje etnografske karte) // *Glasnik srpskog geografskog društva*. sv. II/1913. S. 3.
- Цвијић Ј. а) Географски положај Старе Србије и Македоније // Говори и чланци // Сабрана дела. 1987. књ. 3 (том 1). Р. 109-11.
 Cvijić J. a) Geografski položaj Stare Srbije i // *Govori i članci* // *Sabrana dela*. 1987. књ. 3 (tom 1). S. 109-11.
- Цвијић Ј.(б) Македонски Словени // Говори и чланци // Сабрана дела. 1987. књ. 3 (том 1). Р. 154-155.
 URL: <http://www.monstat.org>
- Цвијић Ј.(б) Makedonski Sloveni // *Govori i članci* // *Sabrana dela*. 1987. књ. 3 (tom 1). S. 154-155. URL: <http://www.monstat.org>
- Ћириковић З. Svodjenje postjugoslovenskih država i njihovog stanovništva na „pravu meru“ // *Bezbednost zapadnog Balkana*. Septembar-December 2011. God. 6, Br. 21. P. 103-114.
- Kennan G. (Mr. X). The Sources of Soviet Conduct // *Foreign Affairs*. 25/july 1947. P. 566-582.
- Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // *Geographical Journal*. 1904. № 23. P. 427-437.
- Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality – A Study in the Politics of Reconstruction // London: Constable and Company Ltd, 1919. P. 59; 115.
- Pavić R. Osnove opće i regionalne političke geografije, geopolitike i geostrategije (I dio) // Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, Fakultet političkih nauka – Zagreb, 1973. P. 178.